

Человек ниоткуда

С. МЕНА - С. ПО - 24.02.2007 - с. 1, 5

История, которая произошла с Алексеем Крымовым, одновременно страшная и нелепая. Настолько нелепая, что в самых страшных местах его рассказа мы оба давились от хохота. Не плакать же. Тем более что все (тьфу-тьфу-тьфу!) уже позади.

Со вторника ОРТ запускает новую порцию "Убойной силы". В одной из серий Крымов играет главного злодея, за которым охотятся менты. А сравнительно недавно, с 95-го по 97-й, они за ним охотились на самом деле. Все два года, что Алексей Крымов - актер, приходившийся ко двору в не самых плохих театрах города, включая Комиссаржевку и Пушкинский, - был бомжом.

Путь от актера, перебивающегося съемками на "Ленфильме", но не теряющего респектабельности (свежий воротничок, прямая осанка, дом с книжками и любимым креслом), до бомжа он проделал так. В 95-м у Алексея умерла мама, хоронить не на что. В морге, где он оформлял погребальные дела, к нему подошли двое - парень и девушка.

- Молодой человек - очень приятный, ни одного матерного слова. Посочувствовали: да-да, вот у нас тоже горе. Интеллигентные люди на красивой машине. Он - непьющий, а барышня опрокинула со мной чего-то легонького - рюмочку. "Давайте, - говорят, - мы вам дадим денег в долг. А вы, когда поменяете свою двухкомнатную квартиру на однокомнатную, мы нам вернете. Хотите поможем с обменом?"

Затеяли в моей квартире ремонт, а меня перевезли в коммуналку. "На две недели, не больше, зато продадим подороже". Проходят две недели, третья... Соседи говорят: "Нам больше никто не платит. Давай сваливай". А куда сваливать? И с чем? Не пойду же я на улицу с чемоданом. Взял с собой полиэтиленовый пакетик...

- А документы?

- А документы якобы находились на

оформлении - прописке, выписке. Мои вещи так и остались в той коммуналке. Соседи мне уже не открывали - сказали через дверь: мы все сожгли. Но я сомневаюсь, что они сожгли телевизор, холодильник.

- Ребятам этим звонил?

- Некуда - никаких концов. Я остался ничто посреди нигде. Слава богу, у меня была такая молодость, что я очень многих людей в этом городе знаю, - и меня кто-то еще знает и помнит. Но существует фактор возраста. Мы уже выросли из тех лет, когда к любому можно прийти переночевать, пожить. У всех есть семьи, у некоторых - тещи, у кого-то любовницы, дети бегают. И грязный бомж, заявившийся в гости, создает определенные неудобства... Каждый день молюсь Андрюше Толубееву. Он играл в Комиссаржевке, я подошел к нему после спектакля, вкратце объяснил ситуацию. Он сказал: "Алеша, я все сделаю, что тебе надо. Говори - что?"

А я и не знаю, что мне надо. Пошел к другу работать кровельщиком. Кровельщик из меня - ты же понимаешь. Без страховки, на крыше, голодный - славное занятие... Жил я в вагончике, жил я в подвале под лестницей - ну все, что в школе проходили, что видел в хронике - 17-й год, раскулачивание, освоение целины, - я испытал на собственной шкуре. А однажды - хочешь верь, хочешь нет - меня продавали в рабство цыганам.

- Как?!

- Я, значит, каким-то чудом дозволился до Кольки Годовикова - Петрухи из "Белого солнца пустыни". У Кольки три ходки было, так что он кое-чего повидал в жизни и кое-чего понимает. Я говорю: Коленька, мне надо помыться хотя бы.

Приехал, помылся, они меня накормили, дали носки другие, трусы, майку. В общем - люди. Но у них, так сказать, полторы комнаты, и дочка уже большая. Остататься - как-то смешно. Утром им на работу, мы позавтракали, они мне дали с собой денег, и я поехал. Вышел из метро на "Техноложке". Было начало седьмого.

И - чудное утро! Еще не жара, но уже не холодно, такая легкая прохлада, предвещающая теплый августовский день. И воздух свежий, и зеленью пахнет. И только что расстался с прекрасными людьми. Очень хорошее было настроение.

Подхожу к ларьку напротив Витебского вокзала (там тогда продавали водочку), смотрю, какую маленькую себе купить. Рядом отирается дяденька - славный, интеллигентный. "Может быть, - говорит, - возьмем одну на двоих?" - "Давайте, так даже удобнее и приятнее".

(Окончание на 5-й стр.)

Человек ниоткуда

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Взяли водочки, взяли по бутерброду, пошли в садик перед институтом. Он мне рассказал о том, как у него жизнь не сложилась, я поделился чем-то из своего. По этому поводу решили взять еще. И пока мы вторую бутылку приговаривали - так же мирно, славно, интеллигентно беседуя, - дяденька предложил: "В восемь часов подойдет машина - будут забирать на работу в Пушкин. Съезди посмотри, может, тебе понравится". А почему, думаю, не поехать, раз интересная работа, раз Пушкин? Я очень люблю Александровский парк.

Ровно в восемь (минута в минуту) к троллейбусной остановке у садика подъехал красный "Жигуль". Я уже сидел в нем, но в последнюю секунду (Бог спас) увидел эти цыганские рожи, увидел руки протянутые и почувствовал, что меня вталкивают в машину - буквально вдавливают на заднее сиденье... Я дрался так, как давно не дрался. Я боролся за свободу! Правда, они особо не активизировались - на остановке было полно народу. Хлопнули дверью и быстро уехали.

А вообще за те два года, что я бомжевал, меня раз сто могли убить. Ведь человек не может постоянно находиться в нервном напряжении. Не получается спать больше двадцати минут. Обязательно надо проснуться, осмотреться. Как в романе "Балтийское небо" - там летчики в истребителе каждые двадцать секунд должны оглядываться назад: кто у них на хвосте? Не оглянулся - сбит. Так и тут, больше двадцати минут спать нельзя. Потому что мир очень меняется за двадцать минут.

- То есть?

- Скажем, на вокзалах каждые двадцать минут обход милиционеров. А они сразу начинают бить дубинкой... Однажды стою на Московском вокзале - погода скверная, холодина. На вокзале уже нельзя было оставаться, но и на свежий воздух вылезать не тянуло. Да особенно и не тянет вылезать, когда тебе некуда идти, а впереди ночь. Вот стою я, значит, наполовину в вокзале, наполовину на улице, чтобы хоть одна половина соприкасалась с теплом. И в это время летят Ильгиз Булгаков и Миша Боярский. С Ильгизом мы товарищи. С Мишей вроде были друзья. Миша так посмотрел на меня, пробежал мимо...

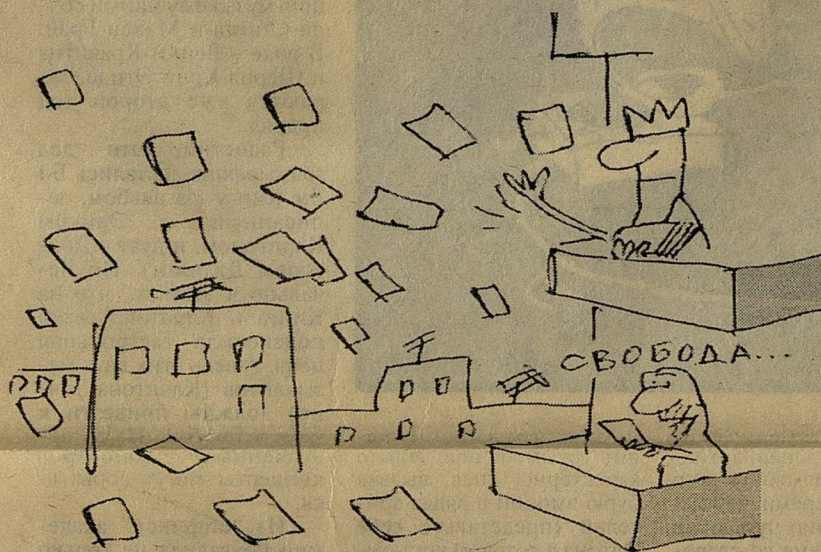
- Ты не признался?

- А чего признаваться? Ильгиз вернулся, говорит: "Алеша, извини, мы опаздываем на "Стрелу". Сунул мне двадцать тысяч. Ильгиз. Тогда Мишка тоже вернулся - и дал десять.

- Куда же ты шел с вокзала, когда впереди ночь, а идти некуда?

- В Куйбышевской больнице есть приемник. Если ты тихо себя ведешь, можно посидеть какое-то время. Но спать нельзя - там стоит дикий ор, буйствуют пьяные, сумасшедшие или сильно стукнутые люди. Поэтому периодически туда вызывают ОМОН или он сам заезжает, для профилактики. И уже в пять утра милиция забирает всех, кто не пошел на прием к врачу. А с пяти до шести - самое холодное время суток, даже летом. И вот однажды, проходя мимо, я увидел морг открытый - он все время работает. Трое суток ночевал в морге. А потом... Потом заглянул к Лева Резнику (ныне покойному), директору СТД. Он говорит: "Вот тебе ди-

ван (это возле гардероба), садись, ложись, ночуй". А у Лева заместители - торгоши, люди очень далекие от искусства. Им это дело крайне не понравилось. Во-первых, они его называют "Лев Михалыч", а я - "Лева". Во-вторых, вид у меня был не совсем презентабельный: борода, одет кое-как. Они сказали: "Лев Михалыч, что это чудовище тут делает? Не пойти ли ему вон?" На что Лева ответил:

"Вот, посмотрите - он все потерял. Поэтому если вы что-нибудь еще скажете, он вас всех убьет на фиг! Пусть живет, сколько ему нужно".

- Не понимаю. Не понимаю, почему взрослый, разумный человек (пусть даже пострадавший от собственного идиотизма), вместо того чтобы прятаться, убежать, скитаться черт знает где, - почему он не мог объяснить тем же милиционерам с дубинкой: ребята, так и так...

- Докажи! Мы с Ваней Краско ходили к начальнику Комитета госбезопасности. В приемной нас принял капитан. "Вот ящик, туда опустите ваши заявления". Я говорю: "Это для доносов, что ли?" Он усмехнулся: "Да". Я ему рассказываю ситуацию, Ваня размахивает своими регалиями народного артиста, премиями: "Я у вас тут снимался на каждом этаже!" - "Да-да, но сейчас-то вы пришли по другому делу".

- Логично.

- "Хорошо, - говорю. - Я опущу заявление - и что?" - "Мы вас найдем". - "Где вы меня найдете, если я сам не знаю, куда пойду?"

Под конец я жил на воровской малине, там при мне четыре часа убивали человека. А я играл лучшую в своей жизни роль - мертвецки пьяного спящего. Примерно знаю, за что убивали. Убивать, наверное, не следовало. Следовало пару раз врезать по физиономии. Может, пять раз. Главное, хочешь убить - ну убей. Но мучить человека четыре часа... Они выпивали, закусывали, отдыхали - он лежал. Периодически кто-то отдохнувший вставал, шел к нему, еще немножечко бил. Потом снова. Больше всех злобствовались бабы - вот самое омерзительное. Видимо, это очень приятно - бить неподвижного человека, который не может ответить. Я дождался, пока они все заснули, пьяные, и тихонечко слинял.

- Заступиться - не было порыва?

- Если бы они просто догадались, что я не сплю, мне бы оттуда не уйти.

- Что в таких случаях делается с сознанием - находит столбняк, отключаются чувства?

- Тут много чего происходит. Но главное, у меня есть опыт. Ко всему прочему Родина еще и убивать научила - вершина творческой жизни. Я ведь прошел войну, только плена не проходил.

- Какую такую войну?

- С китайцами.

- Скажи еще, что служил на Даманском.

- При чем здесь Даманский? Даманский - это один-единственный эпизод, о котором вы, господа журналисты, упомянули. За год, что я прослужил в Амурской области, наша бригада провела сотни боев.

- Не мне судить, но, по-моему, два года бомжевания страшнее года на войне. Как ты их выдержал?

- Хотелось досмотреть этот спектакль до конца. Вроде не зря.

Малышицкий помог сделать паспорт. Он написал отношение в ВТО, когда взял меня в театр. Тут же подключился Левка Резник, и по инстанциям была отправлена большая петиция от шестидесяти народных и заслуженных артистов этого города. Дальше пошел гулять я - уже по жэкам, выдирая отовсюду, где жил, форму-9, форму-13, форму-150. По-

- А обида есть на кого-нибудь?

- Нет. Больше того, у меня было время оценить очень многих людей - я им только благодарен. Меня трудно удивить плохим отношением, да я и сам... Вот ко мне по ночам зачастили алкаши. "У тебя свет горит!" - объясняют. Я говорю: "Это не сигнал тревоги, я SOS не подавал. Не Индийский океан - смотри, сколько народу забыло выключить свет". "Дай опохмелиться!" - "На, походи и купи". Раз очень плохо, я дам. Потому что знаю, что такое очень плохо. Но если ты собрался каждый день ходить за опохмелкой, то мне проще самому начать пить.

- Нынешнюю комнату сразу взял или привередничал?

- Сначала мне предложили другую комнату. Тетенька открывает. Я еще с барышней пришел. Посмотрел: ничего, никаких бутылок нет. Вроде даже прибрано. Тетенька показывает: "Вот здесь он лежал, значит". Я говорю: "Хорошо хоть мел стерли. Теперь так: пьем много, часто?" - "Не-э-э! Только когда горе". Я говорю: "А что у нас сейчас случилось?" - "Да вот сына завтра судить будут". - "Чего же он - не там дорогу перешел?" - "Нет-нет, его за убийство!" Я говорю: "Зачем же он топорами размахивает?" - "Да нет, он не топором". - "Стрелял?" - "Нет-нет-нет! Ножом". - "Это он зря. Надо было аккуратно выстрелить в затылок, и все". - "Но он же за сестру заступался. Ее насильовали всей компанией..."

И дом - напротив Еврейского кладбища, с видом на могилы.

- А сейчас?

- Сейчас у меня сад под окном, фонтан в саду. Даже шторы не нужны, потому что нет домов и окон напротив. Деревья растут... И хотя мне грустно бывает, иногда я ощущаю всю прелесть жизни - совершенно по-новому. Постоянно нахожу это новое, ведь у актеров работа над собой вроде как не заканчивается: а вдруг пригодится? Но я не ставлю перед собой дальних целей, как когда-то Хрущев: построить коммунизм к такому-то году. Жизнь стала самодостаточной.

- Говорят, на съемках "Убойной силы" ты шестнадцать часов был в кадре. Все уходило обедать, а тебе приносили кофе на площадку. И только на семнадцатом часу режиссер сказал: "Алеша, по-моему, ты устал". Алеша, возвращение в профессию было трудным?

- Это случилось еще в 97-м, у Малышицкого. Я за три месяца вернул форму.

- Представляю, что ты тогда почувствовал!

- Свободу. Только и всего.

Беседовала Елена ЕВГРАФОВА

ОРЕНТ ИЛИ РЕШКА